

Роль принципа предметно-практической деятельности в становлении археологической теории

С конца XVIII в. в русской науке складываются и параллельно развиваются три основные направления в изучении вещественных памятников древности: классическое (античная археология), историческое (русская средневековая археология) и эволюционистское (первобытная археология)¹. Процесс их сращения на базе историзма обозначился только к рубежу XIX—XX вв. Своеобразным завершением и теоретическим обоснованием наследия классического и эволюционистского направлений дореволюционной археологии стали труды С. А. Жебелева и В. А. Городцова, вышедшие в 1923 г.² Нас в этих работах интересуют теоретические схемы, объясняющие место вещей в жизнедеятельности человека, законы их появления, функционирования и развития.

Для С. А. Жебелева — представителя классического направления — характерны внутренние противоречивые установки понимания как природы вещного мира, так и его познания. В обобщающем труде «Введение в археологию»³ отчетливо проступает предубеждение исследователя-эмпирика против поиска закономерностей развития форм вещей. Вместе с тем необходимость систематизации и объяснения памятников подвели ученого (вопреки его намерениям) к признанию эмпирических закономерностей, накопленных в опыте более чем векового исследования античного мира.

Логика создания вещи, по Жебелеву, предстает следующим образом: потребность в вещи осознается в виде ее идеи или содержания, которое требует определенного оформления⁴. Какие же закономерности создания вещи автор вводит в эту цепочку?

Прежде всего содержание вещи соответствует потребностям человека. В их ряду на первый план выдвигаются духовные (умственные, художественные). Природа потребностей в работе не рассматривается. Правда, из последующих познавательных операций автора можно вывести, что в исторически определенную эпоху создаются вещи определенного содержания и формы⁵. Но поскольку вопрос об исторической обусловленности потребностей остается за пределами рассуждений автора, цепь рассуждений не имеет теоретически обоснованного начала.

По мнению С. А. Жебелева, вещный мир воплощает два основных ряда потребностей — духовные и внешние (практические). В этом он видит основание для разграничения как памятников, так и изучающих их дисциплин (художественная и бытовая археология). Ввиду многообразия человеческих потребностей вещь может иметь несколько значений. С. А. Жебелев видит главный фактор формообразования вещи в ее содержании. Следующие по значению факторы — материал и технология⁶. В числе общих закономерностей создания вещи автор отмечает консерватизм формы.

Отрицая законы художественного творчества, автор тем не менее не может обойти законы жанра и стиля, выявленные его предшественниками в анализе памятников литературы и искусства. Согласно законам жанра, в произведениях художника отражается его темперамент, отношение к художественной традиции и культуре своего времени, к изображенному сюжету. Важна идея содержательного единства художественных памятников различного жанра одного времени. Законы стиля проявляются в соответствии сюжета функциям изделия. Местоположение сюжета или орнамента определяется «художественной экономией пространства вещи». Существуют традиционные художественные схемы, в рамках которых могли включаться сюжеты различного содержания.

Работа С. А. Жебелева интересна собранием эмпирически установленных как общих, так и частных художественных законов формообразования вещного мира. Но в ней нет ни объяснения динамики вещных форм, ни тем более анализа внутренних причин их развития.

В противоположность школам, находившимся в плену дильтеевских идей о познании целостности человеческого духа через его переживание в опыте исследователя, эволюционисты были убеждены, что познание есть постижение объективных закономерностей прошлого человечества, и оно должно осуществляться по образцу естественных наук. Возникнув позже и независимо от классического, эволюционистское направление в археологии не использовало ни идей понимания природы вещного мира, ни методов его познания. Поэтому в обобщающем труде В. А. Городцова «Археология»⁷ рассматриваются иные аспекты изучения вещного мира, нежели у С. А. Жебелева.

Работа В. А. Городцова направлена на обоснование причин (законов) изменения и развития вещей. Автор полагает, что в своей индустриальной деятельности человек подчинялся всемирным законам причинности и эволюции. И вместе с тем он имел некоторую свободу выбора, которая приводила «к неожиданным изменениям и гибкости» в области разных культурных творений⁸. В работе неоднократно упоминается о взаимовлиянии вещественных творений и развития разума, энергии и воли человеческих поколений, о зависимости темпов эволюции ве-

щей от культурного уровня и характера взаимосвязи народов.

Поскольку лапласовским детерминизмом невозможно было объяснить все накопленные факты и эмпирические закономерности, В. А. Городцов создает эклектическую концептуальную платформу, присоединив к эволюционизму идеи географического детерминизма и школы культурных кругов⁹. Применительно к вещной среде всеобщие законы трансформируются в законы индустриальной причинности, эволюции и инерции. По существу, это законы прогрессивного развития, что В. А. Городцов неоднократно подчеркивает в своей работе. Прежде всего прогресс определяется преимуществом в вещном мире как по вертикали (от поколения к поколению), так и по горизонтали (культурное взаимодействие народов). Наблюдается ускорение темпов развития народов и вещного мира от палеолита до современности¹⁰. Автор полагал, что прогресс народов, равно как и вещей различного назначения, происходит неравномерно. Чем сложнее и совершеннее явления (предметы), тем быстрее они видоизменяются. Замедленное развитие и консерватизм форм присущи народам, находящимся на низком культурном уровне или в длительной культурной изоляции. Прогресс в развитии взаимодействующих культур В. А. Городцов увидел только в форме заимствования. Увлечение идеями теории культурных кругов значительно обеднило его представления о процессах формотворчества народов прошлого. В. А. Городцов соответственно теоретическим взглядам обосновывал методы познания в археологии, полагая, что по вещным остаткам можно судить о событиях, сопровождавших жизнь предыдущих поколений, читать историю их культуры¹¹.

Палеоэтнологическая московская школа возникла как реакция на «плоский эволюционизм», однако ее теоретические основы явились синтезом идей того же эволюционизма, географического детерминизма и культурно-исторической школы. Наиболее четко взгляды этой школы выражены в работах Б. С. Жукова¹². Основной акцент в исследованиях автора был сделан на выработке методов тщательной фиксации, объяснении многообразия культур древних обществ и характера их взаимодействия. Исторические процессы объясняются сочетанием эволюционных форм развития со скачками («мутациями») элементов культуры¹³. В качестве причин развития культур он выделяет географический фактор (природные ресурсы, наличие водных путей) и воздействие других культур в виде диффузии идей или прямого внедрения (миграций). В целом труды палеоэтнологов дали значительно меньше плодотворных идей о природе и развитии вещной среды, нежели эволюционистов, хотя именно от этого направления можно было ожидать осмысления эмпирических закономерностей, накопленных как археологией, так и этнографией.

Теоретические схемы объяснения природы и законов разви-

тия вещного мира, предложенные в исследованиях 20-х гг., оказались методологически несостоятельными, так как ни в одной из описанных концепций не была понята социальная природа человека и его деятельности.

Попытки найти законы возникновения и развития вещей в социальной системе были сделаны археологами 30-х гг., когда ведущим принципом исследования становится формационный. Утверждение новой марксистской методологии проходило в обстановке ожесточенных теоретических сражений с наследием как отечественных, так и зарубежных археологов и этнологов ¹⁴.

Содержание категории общественно-экономической формации стало предметом научных споров археологов и историков начала 30-х гг. В итоге дискуссий сложилось представление о первобытнообщинной формации со всеми ее компонентами (производительные силы, производственные отношения, надстройка) и развитии первобытного общества как естественноисторического процесса.

Анализ категории производительных сил определил место вещного мира в системе производства (средства производства) как неразрывно связанное с человеком — производителем материальных благ и ведущее начало человека в этой связи. Понятия уровня и характера производительных сил были раскрыты через социальные и технологические показатели: общественное разделение труда, степень развития орудий труда; труд присваивающий и производящий, индивидуальный и общественный ¹⁵.

Рассмотрение диалектики производственных отношений (базиса) и надстройки, закона связи общественного бытия и общественного сознания определило место и роль духовного начала в жизнедеятельности человека и, следовательно, предметно-вещной реализации духовного.

Осмысление идеи К. Маркса и В. И. Ленина о производственных отношениях как ведущем критерии установления границ формации и выделения этапов внутри нее позволило определить границы первобытной формации и привело к попыткам найти объективные критерии для выделения стадий ее развития ¹⁶. В законе соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил нашли свое объяснение особенности прогрессивного развития вещных компонентов производительных сил — непрерывная преемственность в динамике средств производства.

В эти же годы природа вещного мира и его познание получили более подробное обоснование на базе марксистского принципа предметно-практической деятельности в работах философа К. Р. Мегрелидзе ¹⁷ и историка Ф. В. Кипарисова ¹⁸. В системе природа — общество природа понимается как общегеографическая обстановка, совокупность условий, «которые в известной степени определяют положительный и отрицательный характер и масштабы трудовой деятельности человека» ¹⁹. Далее, природ-

ная среда, включенная в деятельность человека, предстает в качестве предметов труда. Вещный мир — элемент этой системы. Он является посредником между обществом и природной средой, орудием ее преобразования в соответствии с потребностями общества. Вещи в отношениях между индивидами служат средством воспитания, обучения, социализации личности²⁰. Подчеркивалась социальная значимость, субъективно-деятельная опосредованность вещного мира.

Каков же способ изучения системы, если от нее сохранились два компонента — природа и вещи, причем фрагментарно? Тот же деятельностный принцип свидетельствует, что общество — ведущий компонент системы — функционирует и развивается в тесной взаимосвязи с природой и вещным миром. Одним из законов общественного развития является опредмечивание сил человека в создаваемых им вещах. Объективируются как материальные, так и духовные потребности, уровень и разнообразие которых определяется состоянием производительных сил²¹. В. Ф. Кипарисов дает обоснование классификации, где устанавливается содержательный вес признаков вещей, социально значимых для человека в системе природа — общество — вещи²². Формационный подход к исследованию общества, диалектически связанный с предметно-практическим, позволяет рассуждать уже не только о деятельной природе человека вообще. Он определяет сложную иерархическую структуру этой деятельности, выделяет наиболее общие законы поступательного развития человечества и их конкретное проявление в пределах формации.

Деятельностный подход не получил признания и распространения в кругах советских философов и историков в 30—50-х гг. В эти годы археологи достаточно плодотворно осваивали направление исследований: вещь (следы) — совокупность вещей — их описание — социологическая интерпретация археологического материала по формационной схеме.

Информационный барьер, сложившийся в археологической науке к 60-м гг., и разнообразие накопленного материала вызвали необходимость его систематизации, объяснения сходства и различия многочисленных археологических комплексов, установления этапов их развития. Для решения этих задач методологические принципы, сформулированные советскими археологами в 30-е гг., оказались недостаточными. Проблемная ситуация в археологии²³ настоятельно потребовала нового прочтения и осмысления марксистских идей, тем более что с выходом в свет второго издания Собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса появилась возможность осваивать их наследие в большем объеме и на ином уровне.

Как мы уже отмечали, из философов 30-х гг. проблему предметно-практической деятельности плодотворно разрабатывал К. Р. Мегрелидзе. Но его основная работа, посвященная этому

сюжету, увидела свет лишь в 1965 г.²⁴ В 60-е гг. началась интенсивная философская разработка принципа предметно-практической деятельности²⁵. В 70-е гг. в связи с поисками фундаментальной объяснительной идеи археологической теории к анализу возможностей этого принципа обращаются археологи²⁶.

Принцип предметно-практической деятельности определяется как генерализующий для создания археологической теории, потому что, будучи философским, он содержит высокую степень обобщения человеческой практики, условия, средства и результаты которой составляют вещный мир общественного человека²⁷. Можно согласиться с точкой зрения Ю. Н. Захарука, что разрабатывать теоретические основы изучения вещной среды должны не археологи и даже не археологи-теоретики. Но пока ни философы, ни социологи не предприняли серьезных попыток раскрыть данный сюжет²⁸. В условиях проблемной ситуации в археологии слишком долгое ожидание помощи извне оказывается болезненным.

Принцип предметно-практической деятельности был сформулирован К. Марксом в «Тезисах о Фейербахе» — ранней работе, которую Ф. Энгельс впоследствии оценил как гениальный зародыш нового мировоззрения²⁹. Согласно К. Марксу, специфика человеческой деятельности может быть понята только в совокупности всех ее сущностных характеристик: чувственной, субъективной, предметной, практической, общественной³⁰. В различных редакциях работы К. Маркс подчеркнул такие аспекты деятельности, как *человеческая чувственная деятельность, практика и предметная деятельность*³¹. Эта расстановка смысловых акцентов определяет логику взаимной связи. Чувственная деятельность, которой не знает объективный идеализм, будучи практической, что крайне узко трактовалось созерцательным материализмом, у К. Маркса предстает как деятельность материальная. Субъективный характер означал активное, ведущее начало человека, сознательно осуществляющего в деятельности свои цели. Субъект истории — это общественный человек, который в процессе материальной деятельности может осуществить свои цели лишь во взаимодействии с другими индивидами. Практически-критическая, или революционная, практика есть целенаправленная материальная деятельность человека по преобразованию природы и общества. В этих связях практического, субъективного, общественного и преобразующего компонентов деятельности категория «предметность» применяется для обозначения специфической формы бытия социальной материи.

Социальная субстанция — предметные формы бытия человека — не есть нечто застывшее, неизменное. Деятельность в ее сущностных определениях и взаимосвязях имеет смысл лишь как процесс, как социальная форма движения. Эта идея сформулирована К. Марксом в третьем тезисе: «Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рас-

сма­триваться и быть рационально понято только как *революционная практика*»³². Социальная субстанция сама в себе — в созидательной активности человека — содержит основания само­движения, саморазвития. При этом революционная практика-деятельность по преобразованию общества есть не только изменение обстоятельств — общественных предметных форм бытия человека, но и изменение самого человека в ходе его преобразующей деятельности. Под этим углом зрения история пред­стает как процесс непрерывной материальной целенаправлен­ной деятельности человека по изменению общественного пред­метного бытия в соответствии с исторически меняющимися сущностными силами человека, прежде всего его потребностями³³.

Этот процесс совпадает с историческим самоизменением человека в соответствии с социальными предметными формами его бытия. Деятельностный подход к пониманию общества явился предпосылкой обоснования ведущего принципа марксистской философии — материализма и основой преобразования принципов историзма и социального детерминизма.

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркс оговорил возможность множества определений мира, в котором осуществляется деятельность человека: «...человеческая действительность столь же многообразна, как многообразны определения человеческой *сущности* и человеческая *деятельность*»³⁴. В этой и последующих работах он неоднократно рассматривал основные формы бытия социальной материи или предметного бытия человека. Предметен (телесен) сам человек, предметны результаты его деятельности — промышленность, мир вещей³⁵. Материальным бытием сознания являются знаковые формы, и прежде всего языково-понятийная³⁶. В традиционных, или институциональных, формах реализуются способы общения и средства регуляции в обществе³⁷. Свое предметное воплощение имеет художественно-образное отражение действительности. Итак, вещная предметность — один из компонентов (материальных носителей) социальной формы движения материи.

В подготовительных рукописях к «Капиталу» и в самой работе К. Маркс показал, что деятельность как социальная форма движения материи осуществляется в определенном, присущем только этой форме пространственно-временном континууме. В деятельности как самореализации сущностных сил человека порождаются новые пространственно-временные условия, средства и формы бытия человека³⁸. На первых порах освоения природы жизнедеятельность человеческих коллективов предельно определялась природными пространственно-временными параметрами: атмосферными и биологическими циклами и ритмами. По мере общественного развития ведущими становятся социальные, предметные, пространственные и временные формы, в том числе вещный мир. Этот процесс начиная с «детства» чело-

вещества принимал конкретно-исторические формы реализации: «Различные общины находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам»³⁹. Каждой конкретно-исторической системе был присущ свой предметно-вещный мир и свой способ его организации. Специфика вещной среды позволяет очертить пространственно-временные границы конкретной исторической общности.

В «Капитале» К. Маркс представил механизм появления вещи как формообразование в процессе труда⁴⁰. В чем принципиальное отличие вещи от природной субстанции? Природа в присущих ей естественных формах, составах, свойствах тел не удовлетворяет человека. Он изменяет внешнюю форму и состав природных предметов, уничтожая, отсекая вредные или нейтральные свойства и сохраняя, усиливая, создавая полезные, необходимые для жизнедеятельности. В сферу преобразования включены, с одной стороны, материал, орудие, человек, а с другой — общественно значимый образ создаваемой вещи, представления о ее форме, составе и свойствах.

Стержнем преобразующей деятельности является сознательно поставленная цель: «Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий...»⁴¹. Здесь мы по необходимости выходим на связь природных и предметно-вещных форм бытия человека с языково-понятийными и поведенческими. Цель деятельности отражает универсальность человека, его принципиальную возможность сначала в предметной языково-понятийной, а затем в вещной форме совместить логику (меру, закон) природного предмета с логикой исторически определенных общественных потребностей. В этом совмещении — направленность деятельности человека. В своем внешнем проявлении она предстает как детерминированные целью нормы поведения человека по отношению к природным и предметно-вещным условиям труда и по отношению к другим индивидам, включенным в процесс труда.

Итак, импульс создания вещи задан целью человека конкретно-исторической общности. Цель детерминирована потребностью в предмете определенного функционального назначения. Цель предполагает образ предмета, содержащий все детали его будущей формы: размеры, пропорции, форму рабочего края и рукояти, окраску, декор. Она включает также модель преобразующей деятельности: знание, из какого материала и какими средствами труда можно изготовить необходимую вещь, где изыскать средства производства. Наконец, цель предусматривает наличие способностей, навыков, волевых качеств человека для реализации образа в действительность. Целесообразная деятельность

означает опредмечивание сущностных сил реальною человека в процессе труда, объективацию этих сил в форме и составе вещи⁴².

Следовательно, в общих контурах, размерах, ритмах, орнаментации и других морфологических признаках вещей (их остатков), с которыми имеет дело археолог, содержится богатая историческая информация об уровне развития сущностных сил человека конкретно-исторической общности.

В целостном историческом процессе все формы предметности взаимосвязаны и взаимообусловлены. Особенно жесткими связи были в традиционалистских (доклассовых и раннеклассовых) обществах. Традиции как программа организации и воспроизводства всей жизнедеятельности человека⁴³ определенным образом соединяли вещественные, языково-понятийные, образно-эмоциональные и социально-нормативные средства. Весьма важно, что взаимосвязь предметных форм запечатлевалась в каждой из них. Так, во взаиморасположении предметных остатков интерьеров покинутых жилищ, а также их планиграфии в пределах поселения сохраняются следы способов ежедневной регуляции жизни, отражающие социально-нормативные традиции, на производственных площадках и мастерских — следы технологических циклов, определяемые технологическими традициями. На жертвенных местах остаются свидетельства сезонных или эпизодических способов организации производственной или бытовой деятельности, выражающие социально-нормативные и эмоционально-образные традиции, на могильниках — следы погребального обряда.

Принципы определения места вещного мира в общественной системе, установления закономерностей его образования и развития, обоснованные согласно марксистскому предметно-деятельностному подходу и разработанные в археологической теории, дадут методологические ориентиры для объяснения эмпирических закономерностей, накопленных археологической наукой, позволят определить научные критерии систематизации археологических материалов и основания исторических реконструкций.

¹ Подробнее см.: *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961.

² О социально-историческом фоне появления работ этих авторов и их мировоззренческих установках см.: *Викторова В. Д.* Археологическая теория в трудах В. А. Городцова. — В кн.: Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1977, вып. 14; *Генинг В. Ф.* Очерки по истории советской археологии. Киев, 1982.

³ См.: *Жебелев С. А.* Введение в археологию. Пг., 1923, ч. 2.

⁴ См.: Там же, с. 3—6.

⁵ См.: Там же, с. 149.

⁶ См.: Там же, с. 156.

⁷ См.: *Городцов В. А.* Археология. М.; Пг., 1923, т. 1.

⁸ См.: Там же, с. 10.

- ⁹ Подробнее об этом см.: *Викторова В. Д.* Археологическая теория..., с. 9.
- ¹⁰ См.: *Городцов В. А.* Археология, т. 1, с. 11.
- ¹¹ См.: Там же, с. 5, 9.
- ¹² См.: *Жуков Б. С.* Из методологии изучения культур стоянок и городищ.— В кн.: Материалы к доистории Центрально-промышленной области. М., 1927; *Он же.* Вопросы методологии выделения культурных элементов и групп.— В кн.: Культура и быт населения Центрально-промышленной области. М., 1929; *Он же.* Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики.— Этнография, 1929, № 1.
- ¹³ См.: *Жуков Б. С.* Теория..., с. 59, 66.
- ¹⁴ Подробнее см.: *Генинг В. Ф.* Очерки по истории..., с. 112—142.
- ¹⁵ См.: *Борисковский П. И.* К вопросу о стадильности в развитии верхнего палеолита.— ИГАИМК. М., 1932, т. 15; *Быковский С. Н.* К. Маркс и археология.— ПИМК. М., 1933, вып. 4, с. 7—9; *Круглов А. П., Подгаецкий Г. В.* Родовое общество Восточной Европы.— ИГАИМК, М.; Л., 1935, вып. 119, с. 32.
- ¹⁶ См., напр.: *Борисковский П. И.* К вопросу..., с. 21; *Бернштам А. Н., Кричевский Е. Ю.* К вопросу о закономерности в развитии архаической формации.— ИГАИМК. М.; Л., 1932, т. 13, вып. 3, с. 27, 38.
- ¹⁷ См.: *Мегрелидзе К. Р. Н. Я. Марр и философия марксизма.*— ПИМК. М.; Л., 1935, вып. 3—4.
- ¹⁸ См.: *Кипарисов Ф. В.* Вещь — исторический источник.— ИГАИМК. М.; Л., 1933, вып. 100.
- ¹⁹ Там же, с. 9.
- ²⁰ См.: *Мегрелидзе К. Р. Н. Я. Марр и философия марксизма*, с. 71.
- ²¹ См.: *Кипарисов Ф. В.* Вещь — исторический источник, с. 7.
- ²² См.: Там же, с. 16—18.
- ²³ См.: *Захарук Ю. Н.* Проблемные ситуации в археологии.— СА, 1973, № 4.
- ²⁴ См.: *Мегрелидзе К. Р.* Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1965.
- ²⁵ Об этом см.: *Батищев Г. С.* Деятельностная сущность человека как философский принцип.— В кн.: Проблема человека в современной философии. М., 1969; *Безчрепных Э. В.* Проблема практики в процессе формирования философии марксизма. М., 1972; *Юдин Э. Г.* Деятельность как объяснительный принцип.— Вопр. философии, 1976, № 5.
- ²⁶ Идея была высказана В. Ф. Генингом и В. Д. Викторовой в докладах на заседаниях теоретической секции сессии ИА АН СССР в 1971 и 1972 гг. См.: *Викторова В. Д.* Археологический факт.— ВАУ. Свердловск, 1975, вып. 14; *Генинг В. Ф., Викторова В. Д.* О предмете археологической науки.— В кн.: Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1977.
- ²⁷ Подробнее см.: *Викторова В. Д.* Роль философских принципов в становлении археологической науки.— В кн.: Марксистско-ленинская философия и вопросы методологии истории и археологии. Ашхабад, 1981.
- ²⁸ Можно сослаться на весьма интересную работу С. С. Товмасына (Философские проблемы труда и техники. М., 1982), но в ней автор рассматривает преимущественно законы развития техники. И. И. Травин полагает, что наиболее значительных успехов в изучении вещной среды к настоящему времени достигли археологи (Материально-вещная среда и социалистический образ жизни. Л., 1979, с. 10).
- ²⁹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии», М., 1966, с. 121.
- ³⁰ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 1.
- ³¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Противоположность..., с. 102—107.
- ³² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 2.
- ³³ См.: Там же, с. 26—27.
- ³⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 120.

³⁵ См.: Там же, с. 123, 162—163.

³⁶ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. 1, с. 85—87.

³⁷ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. 2, с. 256—257.

³⁸ Подробнее см.: *Викторова В. Д., Кемеров В. Е.* Направленность исторической реконструкции как методологическая проблема. Свердловск, 1985.

³⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 364.

⁴⁰ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. 1, с. 252, 266, 268; т. 47, с. 57.

⁴¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 189.

⁴² См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. 1, с. 166; т. 47, с. 50, 99.

⁴³ Подробнее см.: *Викторова В. Д.* Традиции, обряды и обычаи как формы деятельности и общественных отношений первобытного общества.— В кн.: *Археологические исследования Севера Евразии.* Свердловск, 1982.

В. Т. КОВАЛЕВА
Уральский университет

Боборыкинская культура (итоги изучения)

Боборыкинская культура была открыта К. В. Сальниковым в конце 50-х гг. при исследовании многослойного поселения Боборыкино II на левом берегу р. Исети в Шадринском районе Курганской области. В двух раскопанных им подпрямоугольных жилищах площадью 31,5 и 52 м² преобладала плоскодонная керамика с прочерченно-накольчатым орнаментом по верхней части сосудов, в одном слое с которой оказался своеобразный каменный инвентарь, отличающийся микролитичностью¹. В трех опубликованных статьях К. В. Сальников попытался дать основные характеристики новой культуры и определить ее место в типологическом ряду уже известных культур Зауралья². Особо подчеркивалось своеобразие керамики, наиболее распространенным типом которой оказались плоскодонные сосуды с невысоким немного отогнутым венчиком, переходящим в пологие плечики, полное отсутствие гребенчатого орнамента. Широкое применение резьбы и приема отступающей палочки, по мнению К. В. Сальникова, сближало боборыкинскую керамику с зауральской неолитической.

В каменном инвентаре присутствовали своеобразные орудия: пластинки со скошенным концом, острия из пластинок со скошенным краем, пластинки с выемками и т. д., аналоги которым автор раскопок нашел в кельтеминарской культуре и на синхронных стоянках Нижнего Поволжья и Западного Казахстана.

Вместе с боборыкинской керамикой в жилище 5 оказалась круглодонная посуда с гребенчатым орнаментом, по мнению К. В. Сальникова, поздненеолитическая или энеолитическая. На этом основании боборыкинский пласт был отнесен к энеолиту или раннему бронзовому веку Зауралья и датирован концом III тыс. до н. э. К. В. Сальников пришел к выводу о том, что боборыкинская культура сложилась в более южных районах, но на основе, родственной зауральскому неолиту. Нетрудно за-